

СОВЕТСКИЕ НЕМЦЫ в годы Великой Отечественной войны

Советские немцы. Кто же они? Их далекие предки начали переселяться в Россию еще в XVII веке. В Москве образовалась Немецкая слобода, столь ярко описанная А. Толстым в романе "Петр Первый". Еще в 1762 - 1764 гг. вышли два манифеста, подписанные Екатериной Второй. Приглашенные в Россию выходцы из Саксонии, Баварии, Эльзас-Лотарингии и других земель переселялись на территорию между Нижней Волгой и Доном. Здесь-то и появились первые немецкие колонии, где проживало около ста тысяч человек. Они расширились, обрастали новыми семьями переселенцев, и вскоре такие поселения появились в Крыму и на Кавказе, в Сибири, Средней Азии и Казахстане. По данным 1913 г., численность немцев в России превышала полтора миллиона человек.

Результатом активного участия российских немцев в революции 1905 - 1907 гг., октябрьских событиях 1917 г. явилось установление Советской власти в Поволжье и образование уже в октябре 1918 г. автономной области - Трудовой Коммуны немцев Поволжья, в 1924 г. получившей статус автономной республики.

В межвоенный период советские немцы активно участвовали в восстановлении народного хозяйства и строительстве социализма. Они в полной мере испытали на себе последствия сталинской коллективизации, связанные с ней раскулачивание и страшный голод 1932 - 1933 гг., массовые репрессии 1937 - 1938 гг.

В обстановке растущей подозрительности и шпиономании еще перед войной были необоснованно ликвидированы национальные районы, закрыта газета "Дойче централь-цайтунг", выходящая с 1926 г. в Москве, прекращено преподавание на немецком языке во всех регионах, кроме АССР немцев Поволжья.

Реорганизация национальных районов, отмена обучения на родном языке, закрытие национальных культурных центров и уничтожение цвета интеллигенции явились как бы прелюдией геноцида 1941г., когда советские немцы, как и крымские татары, калмыки, балкарцы, чеченцы, ингуши, карачаевцы и месхетинцы, росчерком пера "отца народов" лишились своей государственности, выслались на чужбину, причем главной виной, как обосновывалось в указах Верховного Совета СССР, самим народам вменялось недоносительство о наличии мифических шпионов и диверсантов.

Несмотря на деформации в социалистическом строительстве, тяжелые последствия массовых репрессий, нападение фашистской Германии на Советский Союз, вопреки ожиданиям Гитлера, сплотило все народы страны в борьбе против захватчиков. С первых же дней Великой Отечественной войны и советские немцы встали в ряды защитников Родины. Расчет гитлеровцев на то, что им удастся превратить немецкое национальное меньшинство в свою "пятую колонну", провалился. 15 июля 1941 г. "Правда" писала: "В дни Отечественной войны трудящиеся республики немцев живут единым чувством со всем советским народом. Рабочие, колхозники, интеллигенция мобилизуют свои силы для победы над гитлеровской сворой, поработившей многие народы Европы. Тысячи трудящихся республики с оружием в руках пошли бороться против бешеного германского фашизма".

В первые месяцы войны от трудящихся республики немцев Поволжья поступило 2 500 заявлений с просьбой направить их добровольцами на борьбу с фашистами. 8 000 советских немцев вступили в ряды ополчений (ЦПА НМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 86, д. 6, л. 10). Советские немцы мужественно сражались против захватчиков в Белоруссии и на Украине, на московском и ленинградском направлениях, выполняли специальные задания в тылу врага. В числе защитников Брестской крепости были майор А. Дулькант, Старший лейтенант Е. Кролл, полковой врач В. Вебер, старший лейтенант Шмидт, Александр Вагенлейтер - начальник штаба противовоздушной обороны (его жену и дочь расстреляли фашисты). Немцы были и в подполье Киева, Таганрога, Смоленска, Буденновска, Днепрпетровска и на других участках борьбы с фашизмом (ЦПА...ф. 17, оп. 86, д. 5, л. 109).

Боевыми наградами были отмечены подвиги тысяч советских немцев на фронтах. Среди немцев десять Героев Советского Союза. Высшей наградой страны были удостоены генерал-майор Сергей Волкенштейн, партизанский командир Александр Герман, знаменитый разведчик Рихард Зорге и его коллега Роберт Клейн, танкисты Петер-Миллер и Михаэль Геккель, партизан Николай Охман, разведчик Эдуард Эрфман... (Журналист, 1989, №70, с. 7).

По Указу 1941 г. из армии стали отзываться солдат и офицеров немецкой национальности. Однако, несмотря на это, многие лица немецкой национальности оставались в Красной Армии под вымышленными фамилиями, самоотверженно сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Так, например, Герой Советского Союза лейтенант Вольдемар Венцель из г. Саратова воевал под фамилией Венцов; старший лейтенант Артур Бойгел записался как Бойченко; Петер Левен стал Левиным и под этой фамилией дошел до Берлина; Пауль Шмидт - из закавказских немцев, он воевал под фамилией Али

Ахмедова вплоть до 1945 года. От суда и лагерей Пауля спасло то, что он обратился к Георгию Константиновичу Жукову, тот написал благотворительное письмо.

Но не у всех столь счастливо заканчивалась военная эпопея. Печальна судьба Георга Рихтера, участника гражданской войны, который за проявленную храбрость был награжден памятным оружием. А в тридцать восьмом это почетное оружие стало причиной его преследования правоохранительными органами. Георг был приговорен к пяти годам лишения свободы за его хранение. В начале войны во время эстапа, то есть пересылки из одной тюрьмы в другую, Рихтеру удалось бежать. Он попадает на Сталинградский фронт, сражается под фамилией Смирнова. Где-то после войны органы НКВД находят его, опять судят - теперь уже за побег из лагеря и за смену фамилии. Рихтер был реабилитирован в пятьдесят третьем, сразу после смерти Сталина, награжден орденом Красной Звезды.

Михаил Ассельборн в одиннадцать лет осиротел, после смерти родителей от голода и тифа умерли семеро его братьев и сестер, в живых остались из семьи только он и старший брат Адольф. Михаил воспитывался в детском доме, потом работал на спичечной фабрике, а когда объявили призыв в Красную Армию, пошел в военкомат записаться добровольцем и добился своего. Окончил Ульяновскую пехотную школу. Было у него и второе воинское образование - Ассельборн стал летчиком, служил в авиационном полку на Дальнем Востоке, в армии Блюхера. В войну Ассельборн состоял в отряде разведчиков Климентьева. Беспрецедентный случай в истории Великой Отечественной; 180 суток рейда по тылам врага под Ленинградом, они минировали участок дороги Луга - Псков, взрывали железнодорожные и шоссеинные мосты, отсекали офицерскую машину, захватив важных "птиц", в другом месте взяли в плен двести владовцев, в ночном броске на 70 километров освободили от отправки в Германию польскую молодежь.

Отряд был окружен, Ассельборна тяжело ранило, он передал планшет с документами Климентьеву, а сам, чтобы не быть обузой разведчикам, застрелился... (Огни Алатау, 1991, 3 апреля). Трагична судьба разведчицы Магды Дуккарт. Вместе со своим будущим мужем, советским разведчиком Виктором Лягиным, она участвовала в диверсионных актах в оккупированном фашистами городе Николаеве, была угнана в Германию, бежала оттуда на освобожденную советскими войсками территорию, передала величайшую драгоценность - письма разведчика Лягина, но это не спасло ее от ГУЛАГа, ее отправили в Караганду, где Магду попросту замучили, и она умерла в тюремной больнице. (Там же).

Можно называть и называть имена известных и неизвестных героев: Вильгельм Мюллер, Рудольф Бахман, Евгений Бремер... А сколько безымянных, павших на поле боя, не успевших перед смертью назвать свою настоящую фамилию.

Память, следовало бы бережнее относиться к истории. И пора уяснить самое важное: не было массовых предателей.

Отдельные предатели, вероятно, были, как были они среди предателей других национальностей. Но, чтобы обвинить в измене целые народы, надо было разделять идеологию сталинизма, которая, кажется, допускала возможность видеть во врагах народа сам народ. А если уж говорить о предательстве, то на этот счет хорошо высказались в своей статье историки Л. Гордон и Э. Клопов. Репрессии 30-х годов не предотвратили и появления пятой колонны, на что, по-видимому, искренне рассчитывал И. В. Сталин. Во время Отечественной войны нашлись десятки тысяч полицейских, карателей, провокаторов, так или иначе оказавшихся на стороне врага. Иначе, собственно, и не могло быть. В ситуации произвола и нарушения законности как раз беспринципные и неустойчивые люди легче, чем в иных условиях, выходят сухими из воды" (Гордон Л., Клопов Э. Тридцатые - сороковые. /Знание - сила. 1988, № 5, с. 52).

В июле 1941 г. в республику немцев Поволжья прибыли Л. П. Берия и В. М. Молотов, в результате визита которых был сделан вывод о необходимости депортации всего народа. Немцы оказались первыми (но, как известно, не единственным) народом страны, обвиненным в измене и обреченным на положение внутреннего врага.

28 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ, в котором утверждалось, что "среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч (!) диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья. (Ведомости Верховного Совета СССР, № 38, 2 сентября 1941 г. с.4). А поскольку об этих то ли тысячах, то ли десятках тысяч агентов никто не сообщал - имелись лишь некие "достоверные данные" о том, что будто немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти". Далее следовал вывод вполне в духе сталинской идеологии: в случае диверсии "Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья". -

Обвинение, выдвинутое против целого народа, было необоснованным, антиконституционным. Как свидетельствует Луи де Ионг, советские немцы не предпринимали акций, направленных против Советского государства: "...среди обнаруженных немецких архивных документов пока нет ни одного, который позволял бы сделать вывод о том, что между третьим рейхом и немцами, проживавшими на Днестре, у Черного моря, на Дону или в Поволжье, существовали какие-либо заговорщицкие связи". Он подчеркивал, что "в Советском Союзе немецкие органы разведки не смогли опереться на помощь немецкого национального меньшинства, так как оно проживало в таких глубинных районах России, что наладить с ним связь оказалось невозможным. Кроме того, некоторые немцы, особенно молодежь, сочувствовали коммунизму". (Ионг Луи де. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958, с. 358- 359).

В докладах в Берлин с оккупированных фашистами в 1941 - 1942 гг. террористов, в частности, говорилось: "Местные немцы, даже если они не являются коммунистами, имеют совершенно неправильное представление о взаимоотношениях внутри рейха, а также о национал-социалистических лидерах. Представителям интеллигенции непонятно чувство дискриминации. К евреям они обычно относятся безразлично. Нет никаких признаков оживления национальной деятельности". (Новое время, 1990, № 7, с. 38).

Уже после войны западные исследователи отмечали, что спецотдел абвера, в задачу которого входило при помощи "пятой колонны" разлагать в политическом, военном и экономическом отношении каждую намеченную жертву агрессии, не смог опереться на помощь немецкого национального меньшинства в Советском Союзе.

30 августа 1941 г. было направлено на места письмо за подписью наркома внутренних дел СССР Берии, где указывалось, что постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) немцы Поволжья переселяются в районы Казахской ССР и Сибири. Последовало и строгое указание "начать отправку эшелонов 3 сентября 1941 г.". Операцией руководил И.А. Серов, один из заместителей Берии. В ходе операции по переселению, как сообщил 20 сентября 1941 г. на имя Л.П. Берии А. Серов, "из бывшей республики были отправлены 438 280 человек немецкой национальности. В дополнение к ним 8 200 человек направлялись водным транспортом". Таким образом, общая численность переселенных составила 446 480 человек.

Осенью 1941 г. автономная республика советских немцев перестала существовать. Семь районов бывшей республики включились в состав Сталинградской, остальные 14- в состав Саратовской области. Так был реализован приказ "автономии немцев Поволжья ликвидировать..."

Вынужденной миграции подверглись и советские немцы, проживавшие в Ленинграде, Москве, других городах, на Кавказе и на территории Крымского полуострова. Их переселили также во второй половине 1941 г. Местом жительства определялись районы Казахской ССР (467 700 чел.), Алтайского (110 000 чел.), Красноярского (75 000 чел.) краев, Новосибирской (130 988 чел.) и Омской (85 000 чел.) областей. Уже на начало ноября 1941 г. прибыли в Казахскую ССР 238 311 человек, в Алтайский край - 94 799, в Новосибирскую область - 116 612, в Омскую —80 349 человек.

Среди переселенцев 20% составляли городское население. Часть их была поселена в промышленные центры. Например, в Челябинске на стройке металлургического завода было занято более 25 тыс. человек. Незначительная часть советских немцев Поволжья (3 402 чел.) была направлена в южные районы Бурят-Монгольской (Бурятской) АССР. Многие из них включались в производственный процесс в республике: были заняты в сельском хозяйстве (в животноводстве), в горнодобывающей промышленности. К концу 1941 - началу 1942 гг., по данным архива отдела спецпоселений НКВД, всего было депортировано 1 084 828 немцев. (История СССР, №6, о. 137).

28 октября 1941 г. из автономной республики сообщили, что "операция по переселению немцев закончена успешно". Однако в действительности она затянулась на длительное время.

С территории Северного Кавказа в восточные районы страны было переселено 198 097 немцев, из них в Алма-Атинскую область, например, прибыло 6 180 человек (в том числе 1 932 ребенка до 16 лет). Вскоре численность немцев в области возросла до 9 000 чел., в Восточно-Казахстанской области проживало 22 195 немцев и т.д..

Всего в 1941 - 1942 гг. было переселено 1 209 430 немцев. При этом в ряде документов отмечалось, что "по государственному заданию" переселялось 856 340 человек (560 112 взрослых), на депортированных приходилось 203 796 человек (134 014), мобилизованных - 48 001 (35 556). Значительная часть переселенцев оставалась в Казахской ССР - 444 005 человек (283 937), из них депортированных "по государственному заданию" было 333 775 человек (230 643 взрослых). А всего в Новосибирской, Омской областях, Красноярском крае и Казахской ССР было расселено 786 279 советских немцев. (Вопросы истории, 1991, № 5, с. 175).

Имелись районы, где сразу не удалось обеспечить работой спецпоселенцев. Так, из Казахской ССР сообщалось, что "в казахские школы специалисты идут неохотно, мотивируя это незнанием

местного языка, обычаев". Местные партийно-советские органы ждали "особых указаний из центра, что отрицательно сказывалось на настроении масс, способствовало порождению различных негативных суждений, клеветы, обвинений в адрес немецкого населения". В отчете центру от 16 декабря 1941 г. читаем, что в Семипалатинской области "ни в отделе эвакуации при облисполкоме, ни в УНКВД не знают, в каком районе и сколько проживают немцев... земельные органы ничего не предприняли для нарезки немцам-переселенцам приусадебных земельных участков". (История СССР, 1991, № 5, с. 63).

Позднее в области был проведен строгий учет переселенцев. 11738 из 20 829 человек были распределены по колхозам, 2 241 - по совхозам, 2 155 - в промышленности и на стройке, 4 695 - в прочих организациях. (Там же, с. 62).

За благополучными отчетами скрывались, однако, тяжелые условия, в которые попали депортируемые. Многие семьи спецпоселенцев оставались продолжительное время не только без минимума продовольствия, но и без крова. Не хватало одежды, обуви, других предметов первой необходимости. "Размещение переселенцев встречает большие трудности, жилищный фонд абсолютно не удовлетворяет потребностей переселенцев", - указывалось в донесении из Кировского района Южно-Казахстанской области. (Там же, с. 63).

Основная же масса советских немцев была призвана в так называемую трудовую армию. На объектах трудармии - в шахтах, на строительстве оборонных предприятий, на лесоповале - немцы содержались фактически как заключенные в лагерях. Условия зачастую были настолько тяжелыми, что изнуренные каторжным трудом люди массами гибли от болезней и голода, становились инвалидами. Гибли не на фронте или в блокадном Ленинграде, а в глубоком тылу. В таких условиях в первые два года войны значительное число призванных трудармейцев умерло. Трудармеец Иоганн Фрезе из г.Ташкента вспоминал, что в 1942 г. 15 000 советских немцев были привезены в г. Ивдель (Свердловская область) на лесоповал, а спустя год их уже осталось 3 000, т.е. 12 000 человек (80%) погибли от голода, инфекционных болезней, непосильного труда. (Известия, 1990, 20 января). По воспоминаниям рабочего Пермского велосипедного завода Р. Гофмана, из 2 114 человек, тянувших с ним лагерную ямку на Гремячинской шахте в Молотовской (ныне Пермской) области, к весне 1945 г. в живых осталось чуть более семисот. (Знамя, 1988, № 10, с. 197). Еще один трудармеец, Эдуард Айрих, работавший на строительстве Богословского алюминиевого завода на Северном Урале, вспоминал, что "трудмобилизованные немцы прибыли на завод тремя партиями. Первыми были выходцы с Украины. Они испытали на себе всю горечь унижительного положения человека в условиях лагеря при отсутствии конкретной вины. Работая на строительстве, они ничего не знали о своих семьях, часть которых была вывезена в глубь страны, а часть находилась в оккупации. К работе они приступали в условиях наступивших холодов, а теплой одежды не было. Объектами работы были каменный карьер, строительство плотины и прокладка подъездных железнодорожных путей. Основными орудиями труда-лом, кайло, кувалда, кирка, лопата и тачка... В этих труднейших условиях трудармейцев к весеннему паводку 1943 г. соорудили плотину и уложили подъездные пути. Это во многом обеспечило дальнейший успешный ход строительных работ на других объектах. Но это было достигнуто дорогой ценой - половина из трудармейцев нашла здесь свою могилу, под которую была отведена площадь в несколько гектаров в 42-ом квадрате. Позже земля была разровнена бульдозерами и отдана под пашню". (Казахстанская правда, 1988, 2 июля).

Гайн Ольга Мартыновна вспоминала, что ей пришлось почти 10 лет вместе с другими женщинами-немками проработать на лесоповале в Коми АССР в очень трудных условиях и при этом, когда они требовали к себе человеческого участия, улучшения условий труда и быта, им отвечали: "Вы немцы, поэтому работайте, испускайте свою вину". (Огни Алатау, 1989, 18 июля). А вся "вина" их была лишь в том, что они родились немцами и разговаривали на том же языке, что и фашистские захватчики, которых они никогда даже не видели.

Пенсионер Ф. Лореш, попавший в трудовую лагерь "Тимшер", вспоминает, что жилье трудармейцев "представляло собой помещение о двухэтажных сплошными нарами по обеим сторонам прохода... В барак царил мрак, оконные проемы вместо стекла состояли из стеклянных банок, стоявших рядом, друг на друге. Разутые и раздетые, мы получали в день по 300 грамм хлеба и два раза в день жиденькую" баланду... В лагере свирепствовали инфекционные заболевания, среди которых первое место занимала дизентерия. У крайне ослабевших и истощенных она очень быстро заканчивалась смертью. Умирили трудармейцы desksками в день". (История СССР, 1991, № 6, с. 82).

Тлеу КУЛЬБАЕВ, доцент кафедры социологии АГУ им. Абая, кандидат исторических наук, член Союза журналистов Республики Казахстан.

(Окончание следует).

СОВЕТСКИЕ НЕМЦЫ в годы Великой Отечественной войны

(Окончание.
Начало в номере за 24 января).

Старикам, женщинам и детям немецкой национальности, особенно переселенцам, распределенным по различным селам Сибири, Средней Азии и Казахстана, приходилось очень нелегко. Чтобы не умереть с голоду, особенно в первые месяцы после выселения, они выменивали привезенные с собой вещи на продукты. Многие жили в бараках, землянках, сараях, которые продувались со всех сторон. Вдобавок ко всему во многих местах манипулируемое сталинской администрацией общественное мнение навешивало на них ярлык "фашистов". Они лишней раз боялись заговорить на родном языке.

Известный немецкий писатель, доктор философских наук Константин Эрлих пишет: "Винить в жестокосердии местного население нельзя. Оно тоже находилось в очень сложном положении. Люди помогали немцам, как могли и чем могли, - одеждой, едой, кровом. Местное население знало, что спецпереселенцы такие же несчастные люди, только недоумевало: зачем сорвали со своих насиженных мест, бросили в товарняк и лишь с дорожными котомками... И расселяли по разным селам, чтобы не могли общаться. По юридическим законам цивилизованных обществ такое преступление считается геноцидом". (Огни Алатау, 1991, 3 апреля).

Семьям мобилизованных тоже досталось сполна. Выпавшие на их долю испытания немного облегчались разве что добрым участием и помощью соседей и односельчан - русских, казахов, предстателей других национальностей, не утративших человечности вопреки тяготам войны и естественному предубеждению против всего немецкого. Было немало случаев, когда местные жители принимали в свои семьи оставшихся без родителей

хозов "выкрадывали" немцев из-под надзора властей, устраивая их с семьями в своих хозяйствах: колхозы нуждались в рабочей силе, особенно в специалистах и механизаторах.

В трагическом 1941 году, когда была распущена АССР немцев Поволжья, я, тогда шестилетний ребенок, вместе с семьей оказался в казахском ауле Северо-Казахстанской области, - вспоминает заслуженный деятель культуры, депутат Верховного Совета Республики Казахстан Герольд Карлович Бельгер, - и хотя мой отец являлся "спецпереселенцем", благодаря своей профессии фельдшера, получил возможность работать. Душевная открытость, честность, готовность всегда прийти на помощь позволили ему даже в то тяжелое время завоевать доверие людей. Его даже называли по-казахски - Карл-ага. Работая среди местного населения, он выучил казахский язык. Потом и меня определил в казахскую школу, о чем я никогда впоследствии не жалел. Запомнилось и то, что простые труженики, кто бы они ни были, - казахи ли, русские, жившие здесь, - не чурались дружбы с нами. Ни разу не слышал в ауле обидных слов, хотя все знали, что я немец. Одна судьба была у всего советского народа, как поется в песне, одна на всех...". (Заря, 1988, ноябрь, № 11, с. 2).

В журнале "Дружба народов" (1988, № 11, с. 238) опубликовано письмо немца из Казахстана, адресованное Роберту Веберу, председателю Комиссии по советской немецкой литературе при СП СССР. В нем говорится: "У советских немцев к казахам любовь особая. Когда в 1941 году немцы из Поволжья - сотни тысяч людей с узелками в руках - были сосланы в казахстанские степи, казахи помогли им выжить, приютили их. Думаю, тут взаимная любовь. Немцы в долгу не остались: хорошо зная культуру земледелия, помогли казахам в освоении целины. Впрочем, об этой дружбе народов предпочтительнее было бы помалкивать...".

Советские немцы внесли свой вклад в строительство ряда крупных предприятий Свердловской, Челябинской, Кемеровской областей, работали на шахтах Кузбасса, Сталиногорска (ныне Новомосковск), на предприятиях Балхаша, Текели, Чимкента и т.д. Так, на шахтах Караганды, поданным на январь 1943 года, из 37 544 рабочих немцев было 3 309, или 8,8%. (Базанова Ф.Н. Формирование и развитие структуры населения Казахской ССР, Алма-Ата, 1987, с. 93).

В трудовую армию попал Адам Рамбургер, участвовавший в штурме Зимнего дворца, коммунист, охранявший Ленина в Смольном. Этот человек, командовавший полком в Чапаевской дивизии, в начале Великой Отечественной войны возглавлял истребительный батальон по борьбе со шпионами и диверсантами. Попали в трудовую армию известные ученые: археолог Отто

Бадер, в очереди за баландой читавший древних греков в оригинале, ученый в области ракетной техники и космонавтики Борис Раушенбах. Эдуард Клингер до войны закончил Ленинградскую академию связи, стал военным инженером, капитаном третьего ранга, но неожиданно был демобилизован. Работал в Иркутске начальником службы связи "Лензолотофлот". В сорок первом просился на фронт - не взяли, но призвали ... в трудовую армию. В 1944 году обвинили ни мало ни много в том, что он якобы являлся руководителем контрреволюционной повстанческой организации, которая ставила своей целью свержение Советской власти. Дали ему 25 лет. В годы хрущевской оттепели было пересмотрено все дело, реабилитирована вся организация, более 50 человек. До выхода на пенсию Эдуард Густавович работал в Алма-Атинском техникуме связи. А отсидел он одиннадцать лет. (Огни Алатау, 1991, 3 апреля).

Отец Эдуарда Густав Клингер был выдающейся личностью. В апреле 1918 года он встретился с Лениным и Сталиным по поводу образования немецкой автономии в Поволжье, долгие годы был на руководящих должностях, а в конце 30-х годов был вынужден из-за болезни отойти от активной политической деятельности. Наверное, это и спасло его от репрессии. Но, Густав Клингер был выслан в Карагандинскую область. Видя всю безысходность своего положения, он ушел из жизни. Имеются доказательства, что Клингер покончил жизнь самоубийством, бросившись под поезд на станции Осакаровка. (Огни Алатау, 1991, 3 апреля).

Нельзя не поражаться и тому, что даже в этих условиях советские люди не сдавались, проявляли трудовой и бытовой героизм. Советские немцы не винули в своих бедах партию и социализм, верили, что рано или поздно справедливость возторжествует. Активно участвовали трудармейцы и в народном патриотическом движении по сбору средств в фонд обороны. Советские немцы несли свой крест, чувствовали свой гражданский долг.

В марте 1943 года строителями Богословского алюминиевого завода на Урале была получена телеграмма: "Начальнику строительства тов. Кронову, начальнику политотдела тов. Горбачеву, секретарям парторганизации товарищам Шмидт, Штоль, тысячник товарищам Брейтигам, Обгольц, Эрлих, Пфундт, стахановцу товарищу Эпп. Прошу передать рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим немецкой национальности, работающим на Базстрое, сформировавшим 353 785 рублей на строительство танков и 1 миллион 820 тысяч рублей - на строительство эскадрильи самолетов, мой братский привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин".

В семейном архиве Отто Венделя из Алма-Атинской области сохранился вот этот любопытный документ:

"Я, нижеподписавшаяся, гражданка Вендель Августа Богдановна, проживающая в г. Актюбинске, по улице Водопроводная, в доме № 62, как глава семьи, от имени членов моей семьи, сыновей и дочерей дарю правительству Союза ССР, Совету Министров СССР в лице его председателя, Генералиссимуса Советского Союза Сталина Иосифа Виссарионовича 42 миллиона долларов США.

Означенная сумма утверждена мне и членам моей семьи, ранее состоявшей из 15 человек, как наследственная масса, оставшаяся после смерти в США нашего родственника Венделя Иоганно-Георга-Генриха и установлена нам, наследникам, верховным судом штата Нью-Йорк, США. Вышеуказанные 42 миллиона долларов прошу распределить в нижеуказанном порядке для следующих целей:

первое - 15 миллионов долларов на восстановление народного хозяйства в районах, подвергшихся немецко-фашистской оккупации;

15 миллионов - на усиление военной мощи нашей Родины, Советского Союза;

12 миллионов - на оказание помощи инвалидам Отечественной войны и сиротам воинов, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

К моменту выдачи настоящего свидетельства о дарении пяти человек членов моей семьи уже нет. Муж Вендель Отто Карлович умер 3 апреля 1939 года в Пахта-Арале Южно-Казахстанской области, сын Вендель Гуго, 1912 года рождения, работал инженером на заводе "Русский дизель" в Ленинграде, пропал без вести в период Отечественной войны. Сын Вендель Бруно, 1918 года рождения, был призван в трудовую армию в Караганду, с сорок второго года о нем нет никаких сведений. Сын Вендель Теодор, 1925 года рождения, учился в Ленинграде, в период войны умер от голода. Дочь Вендель Виктория, 1927 года рождения, училась в Ленинграде и в период войны умерла от голода. Это - в ленинградскую блокаду... Семья вымерла наполовину..." (Огни Алатау, 1991, 3 апреля).

Стремительно наступление германских

войск летом 1941 года не позволило всех немцев вывезти из западных областей страны. Оставшиеся оказались в лучшем положении, чем прочее население оккупированных территорий, поскольку они были причислены к "фольксдойче". Но это благоволение рейха в дальнейшем обернулось новыми испытаниями. В 1943 - 1944 гг. в связи с наступлением Красной Армии советские "фольксдойче" были эвакуированы в Польшу и Германию, где они батрачили у местных немецких землевладельцев - бауэров. Здесь к ним относились с отчужденностью и подозрительностью - хоть и немцы, но советские. В 1945 году большая их часть была репатриирована в СССР и отправлена "в места, не столь отдаленные" - на лесозаготовки.

К 1945 году относится начало третьего этапа, коснувшееся тех, кто оставался на территории, освобожденной Красной Армией, а также советских немцев - репатриантов, прибывавших из-за рубежа. Подробные сведения об их депортации содержит составленная в 1957 году справка начальника 4-го спецотдела МВД СССР Б.В. Новикова. Из нее следует, что в 1945 году в основном депортировались немцы из Прибалтики, Белорусской, Украинской и Молдавской ССР. Это переселение затянулось почти на всю вторую половину 40-х годов.

В середине ноября, а затем 3 декабря 1951 года в Политбюро специально рассматривался вопрос о немцах-спецпереселенцах, где было принято решение "оставить прежний порядок их сохранения".

13 декабря 1955 года Президиум Верховного Совета СССР принял новый Указ "О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении", которым было предписано снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей, выселенных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны, а также немцев - граждан СССР, которые, после репатриации из Германии были направлены на спецпоселение.

Однако вторым пунктом Указа было установлено, что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой предоставления им права возвращаться в места, откуда они были выселены. Только в 1972 году им было разрешено поселиться в других районах страны и возвращаться в родные места. Указ особо акцентировал внимание на недопустимости унижения, оскорбления национального достоинства каждого из народов СССР. Но автономия немцев Поволжья не была восстановлена.

С тех пор, как за спинами советских немцев закрылись лагерные ворота, этот народ почти на полвека был вычеркнут из всех официальных документов. Вплоть до недавнего времени о судьбе двухмиллионного народа бывшего СССР широкой общественности не было известно ничего. Настала пора предать гласности те указы, документы и материалы, что скопом порочат всех советских немцев. Надо признать их нелепость, объяснить историческую несостоятельность перед всеми народами страны, дабы все знали, что советские немцы к злодеяниям фашистов никогда не имели отношения. Надо помнить главное: советские немцы реабилитированы, будущи невинновыми, а не помиллованы - как понимают многие.

В июле 1941 года на железнодорожной станции Алма-Ата II собрались представители Международной организации помощи борцам революции (МОПР), которая только в Казахстане насчитывала тогда 334 тыс. членов. (ЦГАКазССР, ф. 1125, оп. 2, д. 136, л. 1). Они встречали большую группу немецких политэмигрантов, эвакуированных из центральных районов страны, где уже шли кровопролитные бои.

Около ста человек - люди разных возрастов и профессий - выехали из Германии по решению руководства Компартии, чтобы сохранить силы для дальнейшей борьбы с фашизмом. Они знали, что обратный путь на Родину будет долгим и нелегким, что придется пережить многое. Но они были настоящими борцами и шли на любые жертвы во имя освобождения Отчизны от темных сил гитлеризма.

В архивах сохранились пожелтевшие документы, которые дышат суровым напряжением тех трудных лет. Они позволяют нам восстановить картину волнующих событий почти полувековой давности.

В Караганде обосновались 46 немецких политэмигрантов. Эрнст Юльман из Лейпцига поступил работать на один из заводов города. Эдит Баумгартен стала крановщицей на строительстве новых шахт, Генрих Халь, кабельщик из Эссена, работал всю войну слесарем. У коммунистки Вильмы Гросс отец был казнен гитлеровцами, муж погиб в Испании, ребенок воспитывался в детском доме в Иваново. Сама Вильма пришла на завод и одновременно стала учить молодых

рабочих, вчерашних школьников. (ЦГА КазССР, ф. 1125, оп. 2, д. 205, л. 97).

Когда после войны возвращался на Родину Изодор Кутлер, директор Карагандинского машиностроительного завода В. Чудинов написал ему производственную характеристику, где, в частности, говорилось: "За время работы проявил себя добросовестным, исполнительным работником... Производственное задание выполнял на 200 - 250 процентов". (Там же, л. 106).

Политэмигранты не оставались в стороне от общественной жизни Казахской республики. Участвовали в работе профсоюзных и молодежных организаций, МОПР и Красного Креста. В Тельманском районе Карагандинской области в годы войны успешно работали кружки по изучению истории Международного рабочего движения, по текущей политике, которыми руководили немецкие коммунисты Борман и Штамм. (Там же, оп. 7, Д. 12, л. 52).

Немецкие политэмигранты, состоящие в МОПРовских организациях, проделали огромную работу по шефству над семьями фронтовиков, инвалидами Отечественной войны, детскими учреждениями. Только членами МОПР Кустанайской области в первом полугодии 1942 года было собрано и передано подшефным 1 205 320 рублей деньгами, свыше 250 тыс. рублей облигациями, более 65 т продуктов питания, 1,5 тыс. т овощей и фруктов, 3 870 штук одежды и белья, 2 285 комплектов постельных принадлежностей, 8 015 предметов личной гигиены, учебники, художественная литература и т. д. (Там же, оп. 7, д. 105, л. 42).

В ноябре 1943 года МОПРовская организация Алма-Аты (председатель Вильгельм Тиссен) приступила к сбору средств на постройку авиаэскадрильи "МОПРовец Казахстана". Развернув сбор средств, они собрали для этой цели 397 тыс. рублей. (Там же, л. 53).

Как известно, в годы второй мировой войны лидер немецких коммунистов Вальтер Ульбрихт находился непосредственно на фронте. Он был также членом Национального комитета "Свободная Германия". Но по делам ему приходилось ездить и в глубокий тыл Советского Союза. В декабре 1941 года Вальтер Ульбрихт посетил один из лагерей военнопленных под Карагандой, где были размещены солдаты и офицеры вермахта, только что взятые в плен в боях под Москвой. Трудно переоценить значение этих бесед для людей, обманувших гитлеровскую пропагандой. Многие из них стали после этой встречи совсем по-другому смотреть на окружающий мир. По совету В. Ульбрихта в лагерях военнопленных были созданы антифашистские школы, сыгравшие немаловажную роль в идейном перевоспитании людей.

"Я работал на шахте имени С.М. Кирова. Эта шахта и стала моим первым университетом. А первым учителем был начальник 12-го штрека 6-го участка товарищ Идрис...". Это строки из письма Петра Колмзее, бывшего военнопленного, слушателя антифашистской школы. После войны он преподавал в университете имени Морица Арндта (в г. Грейфсвальде). В 1964 году П. Колмзее с женой как туристы побывали в Алма-Ате. "Не только труд и политучеба связывают меня с Казахстаном, - писал Колмзее, - глубокое впечатление оставили люди этой страны - будь то казахи или представитель любой другой национальности...". (Там же, л. 82).

Депортация немецкого населения, как и других народов страны, нарушение конституционного права многих народов, ставших фактически объектом политической дискредитации, манипуляции со стороны Сталина и его административно-командного аппарата принесли огромные страдания, вызвали гибель большого числа людей.

Советские немцы никогда, даже в самые трудные для них времена, не отделяли своих интересов от интересов страны, в которой они родились и выросли. В годы Великой Отечественной войны вместе со всем советским народом своим трудом способствовали победе Советского Союза над фашистской Германией, а в послевоенные годы активно участвуют в строительстве новой жизни.

От демократической общественности нашей страны потребуются много усилий, чтобы немецкий народ снова занял достойное место среди народов Содружества Независимых Государств.

Тлеу КУЛЬБАЕВ,
доцент кафедры социологии
АГУ им. Абая,
кандидат исторических наук,
член Союза журналистов
Республики Казахстан.